

УДК 94(470.6).084
ББК 63.3(235.7)612-33
Е 60

З.Я. Емтыль,

доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и философии Кубанского государственного технологического университета, г. Краснодар, тел.: +79184302555, e-mail: adg1070@gmail.com

**СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И МУСУЛЬМАНСКОЕ
ДУХОВЕНСТВО СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В 1917-1920-е гг.:
ОПЫТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
(ПО МАТЕРИАЛАМ АДЫГСКИХ НАРОДОВ)¹**

(Рецензирована)

Аннотация. В статье на широком фактическом материале исследуется взаимодействие советской власти и прогрессивного крыла адыгского мусульманского духовенства в период 1917-1920-х гг. Делается вывод о том, что в его основе лежало обоюдное стремление сторон к сотрудничеству, обусловленное сложным сочетанием национальных, политических, религиозных и культурных факторов. Несмотря на изначально существовавшее расхождение целей взаимодействия со стороны советской власти и мусульманского духовенства, оно объективно способствовало интеграции горских народов Северного Кавказа в советское геополитическое пространство, изменению их социокультурного облика, формированию новых культурных потребностей.

Ключевые слова: адыги, мусульманское духовенство, новое (прогрессивное) духовенство, старое (консервативное) духовенство.

Z.Ya. Emtyl,

Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of Department of History, Political Science and Social Communications, Kuban State University of Technology, Krasnodar, ph.: +79184302555, e-mail: adg1070@gmail.com

**THE SOVIET POWER AND MUSLIM CLERGY OF THE
NORTH CAUCASUS IN THE 1917-1920S:
EXPERIENCE OF INTERPLAY
(FROM MATERIALS OF THE ADYGHE PEOPLE)**

Abstract. In the article, on the basis of large factual material, the author investigates the interplay of the Soviet power and progressive wing of the Adyghe Muslim clergy during the 1917-1920s. The conclusion is drawn that its cornerstone was the mutual aspiration of the parties to cooperation caused by a complex combination of national, political, religious and cultural factors. Despite initially existing divergence in purposes of interaction on the part of the Soviet power and Muslim clergy, it objectively promoted integration of the mountain people of the

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ (Отделение гуманитарных и общественных наук) в рамках проекта 17-11-23005 «Советская власть и мусульманское духовенство Северного Кавказа в 1917-1920-е гг.: опыт взаимодействия (по материалам адыгских народов)». Региональный конкурс: «Северный Кавказ: традиции и современность».

North Caucasus into the Soviet geopolitical space, change of their sociocultural shape, and formation of new cultural requirements.

Keywords: Adyghes, Muslim clergy, new (progressive) clergy, old (conservative) clergy.

Для современного этапа развития отечественного кавказоведения свойственно стремление к формированию новых исследовательских подходов в изучении проблем, долгое время находившихся под запретом или влиянием жестких идеологических «штампов». Это создает объективные условия для отхода от традиционных подходов в исследовании одной из центральных проблем истории народов Северного Кавказа, определивших их современный социокультурный облик, которую можно обозначить как «советская власть и мусульманское духовенство Северного Кавказа».

В отечественной историографии имеется большой опыт исследования данной проблемы, который дает возможность определить динамику развития исторической мысли, обозначить теоретические и исследовательские подходы к ее дальнейшему научному изучению.

Сложившаяся историография позволяет выделить следующие аспекты проблемы, задавшие ее исследовательское пространство: развитие взаимоотношений советской власти и мусульманского духовенства; складывание государственно-конфессиональной политики в отношении исламского духовенства; социально-экономическое и правовое положение мусульманского духовенства; репрессивная политика советского государства по отношению к служителям исламского культа; организация духовенством антисоветских выступлений.

В то же время современное состояние отечественной историографии свидетельствует о том, что многие аспекты взаимоотношений советской власти и мусульманского духовенства остаются еще недостаточно исследованными, в особенности в области взаимодействия в

политической и социокультурной сферах. Это делает актуальным углубление существующей историографии в данном направлении. В частности, внимания заслуживает взаимодействие новой власти и северокавказского духовенства в таких процессах, как борьба за установление советской власти на Северном Кавказе; организация работы советских органов власти; развитие образования и национальной культуры в целом.

Говоря о взаимодействии советской власти и мусульманского духовенства, следует отметить, что в рассматриваемый период в его основе лежало обоюдное стремление сторон к сотрудничеству. В первые послереволюционные годы политика большевиков в отношении мусульманских духовных деятелей характеризовалась осторожностью и коренным образом отличалась от политики в отношении православного духовенства. Понимая, что северокавказская реальность не укладывается в идеологические программы и политические схемы, а мусульманское духовенство пользуется большим авторитетом среди горцев, большевики сумели проявить политическую гибкость по отношению к нему.

В середине 20-х гг. XX в. органы государственного политического управления сетовали, что мусульманское духовенство является решающей силой в районах Северного Кавказа. Чтобы понять природу влияния мусульманского духовенства, они предлагали иметь в виду, что духовенство веками руководило горцами в их борьбе за национальное освобождение [1; Л.36]. Настроить против себя мусульманское духовенство для советской власти означало настроить против себя широкие народные массы горцев.

Таким образом, привлечение на свою сторону местного духовенства было важнейшим условием инкорпорации Северного Кавказа в советское геополитическое и социокультурное пространство.

Однако первоначально большевики не получили поддержки у мусульманского духовенства. Революционные события февраля 1917 г. способствовали зарождению у исламских деятелей надежды на национальное освобождение и самоопределение. В условиях ослабления центральной государственной власти главной политической тенденцией на Северном Кавказе стало стремление к обретению самостоятельной государственности.

К лету 1918 г. начали рассеиваться надежды на возможность обретения независимости горскими народами и определились две основные наднациональные военно-политические силы: советская власть и белое движение. Гражданская война расколола религиозных деятелей на сторонников и противников большевиков. Постепенно происходил «поворот» части мусульманского духовенства в сторону большевиков. С конца 1918 г. многие исламские деятели стали рассматривать их в качестве возможных политических союзников, что являлось как результатом ставшей к тому времени очевидной для горцев великодержавной политики белого движения, так и хорошо организованной политической пропаганды большевиков среди горцев. Заявленные последними демократические принципы организации государственной жизни в советской России, основанные на отмене национально-религиозных ограничений, признании права народов на самоопределение, для многих духовных деятелей Северного Кавказа оказывались предпочтительнее лозунга белого движения о воссоздании «единой и неделимой России» [2; 40].

Именно денкинская оккупация способствовала эволюции взглядов

многих представителей мусульманского духовенства Северного Кавказа. В них, по справедливому мнению М. Абдуллаева, больше места нашлось принципам советского демократизма [3; 69]. В результате значительная часть мусульманского духовенства Северного Кавказа перешла на сторону большевиков и сыграла большую роль в установлении советской власти в регионе. В ее составе были и такие авторитетные духовные лидеры, как Али-Хаджи Акушинский, Абусупьян Казанищенский, Али-кади Кумухский, Абдул-Басыр-Хафни [4; 187].

Ярким результатом грамотно организованной пропагандистской деятельности большевиков стало движение революционных мулл Кабарды. К активной борьбе против белых на стороне большевиков в годы Гражданской войны их, по мнению Горского отдела политического управления, «побуждало скорее бывшее царское иго, чем преданность соввласти» [5; Л.22-24].

На формирование политической ориентации революционных мулл, безусловно, оказывало влияние и их социальное происхождение. В основной своей массе они были выходцами из горской крестьянской среды. Идеино-политические взгляды революционных мулл основывались на исламе с его принципами высшей справедливости и равенства всех перед Богом. Искренне веря в возможность революционных преобразований, исходя из исламских ценностей, часть северокавказского мусульманского духовенства выдвинула лозунги: «За советскую власть, за шариат!». В сложившихся исторических обстоятельствах именно с советской властью они связывали возможность национального самоопределения адыгов и реализации принципов шариата. Считая, что коммунистическая идеология и шариат совместимы, революционные муллы приняли активное участие в ее установлении на Северном Кавказе [6; 24].

Эти идеи разделяли многие авторитетные шариатисты Кабарды. Именно они «создали альтернативу центробежной силе панисламизма». По признанию белой администрации, революционные муллы Кабарды были в 1918 г. «корнем большевистской агитации» и стояли во главе революционного движения [7; Л.15]. Они же при поддержке ревкомов и воинских частей контролировали национально-религиозные движения мусульман-горцев» [8; 163].

Положительную роль мусульманского духовенства Кабарды в борьбе с «остатками феодализма и царским абсолютизмом» признавали и большевики. Этому, по их мнению, главным образом, способствовала принадлежность мулл в абсолютном большинстве к сословию крестьян и отказ царского правительства в привилегиях мусульманскому духовенству, коими пользовалось православное духовенство [9; Л.47].

Среди представителей адыгского духовенства, оказавших наиболее активную поддержку большевикам, особо выделялась фигура Н.А. Катханова. В августе 1918 г. по заданию Терского Совнаркома он нелегально прибыл в селение Когалкино (ныне Урух), на границе Кабарды с Северной Осетией, и начал формирование революционного отряда из горцев, который 24 сентября 1918 г. занял Нальчик. В результате в городе на время была установлена власть Военно-революционного шариатского Совета [10; 69]. В ноябре 1918 г. Н. Катханов возглавил 1-ю шариатскую колонну, бесстрашно сражавшуюся в годы Гражданской войны на стороне советской власти. Это было уникальное воинское соединение, в состав которого, главным образом, входили кабардинцы и осетины.

Своеобразие союза революционных мулл и большевиков красноречиво проявляется в словах Н. Катханова, сказанных им в

ответ на предложение С.М. Кирова, Г.К. Орджоникидзе и Н.Ф. Гекало вступить в ряды РСДРП(б): «Я верующий человек. У вас есть свой бог – Ленин, а у меня свой – Аллах» [11; 56]. Союз с большевиками воспринимался революционными муллами как средство достижения своих главных целей – национального самоопределения и организации общественной жизни в соответствии с нормами шариата. Их революционному экстремизму не слишком доверяли в центре [8; 46].

Более масштабный характер взаимодействие советской власти и мусульманского духовенства приобрело после установлении советской власти на Северном Кавказе. В его основе лежало обоюдное стремление к сотрудничеству.

Новая власть отдавала себе отчет в том, что без опоры на местное духовенство она не может заручиться поддержкой широких народных масс горцев. В своем выступлении на первой партийной конференции в ноябре 1925 г. председатель Адыгейского облисполкома Ш.У. Хакурате признавал, что в начале 20-х гг. XX в. большевики не имели достаточной поддержки населения и были вынуждены строить советскую власть, ориентируясь на мусульманское духовенство и стариков [12; 67]. Необходимость использовать прогрессивное духовенство в области укрепления административного аппарата советской власти [13; Л.3] привела к его внушительному представительству в органах управления Горской и Кубано-Черноморской республик.

Широкое привлечение мусульманского духовенства к работе в советских и партийных органах власти было обусловлено и потребностями новой власти в коренизации управления. На первых порах реализовать кадровую политику большевиков без участия наиболее образованной части горского населения, которым являлось духовенство, не было возможно. Даже в

конце 1920-х гг., когда были достигнуты первые успехи в деле подготовки новых кадров специалистов, власти констатировали сохранявшееся по-прежнему «культурное превосходство» мусульманского духовенства [14; Л.44].

Обращаясь к истории взаимодействия советской власти и мусульманского духовенства Северного Кавказа, следует обратить внимание на то, что последнее было представлено двумя враждебно настроенными по отношению друг другу группами – старым консервативным духовенством и новым прогрессивным. До наступления революционных событий 1917 г. старое духовенство традиционно пользовалось поддержкой имперских властей, а также местной аристократии: «Эта борьба между старым и новым эфенди продолжалась до 1920 г. и всегда оканчивалась успехом для старого реакционного духовенства. В 1920 г. с приходом Советской власти на Северный Кавказ – положение резко изменилось» [15; Л.4].

Хотя большевистская идеология и политика характеризовались ярко выраженной антирелигиозной направленностью, власть, как это уже было отмечено, не имея достаточного авторитета среди горцев, была вынуждена использовать духовенство в своих интересах. Поддержка в борьбе со старым консервативным духовенством была оказана новому духовенству. Политика советской власти состояла в поддержании состояния вражды между двумя группами мусульманского духовенства с тем, чтобы не допустить их организационного оформления [16; 101,103].

К представительству в новых органах власти стремилось и само исламское духовенство. После установления советской власти в регионе духовенство развернуло масштабную деятельность по вхождению в состав местных органов власти. Особенно большую активность

демонстрировали революционные муллы Кабарды. В частности, Горский отдел Государственного политического управления с настороженностью предоставлял в высшие партийные органы информацию о том, что «муллы Кабарды, считая себя революционными муллами, настаивают на вводе их в исполком и вместе с этим крепко защищают ислам и свои адаты» [17; Л.4].

Подобная политическая активность мусульманского духовенства фиксировалась властями и в других регионах. Они сетовали, что духовенство принимает активное участие во всех кампаниях, проводимых партией и советской властью, стремится проникнуть и закрепить свое влияние в различных общественных организациях, пытается провести своих кандидатов во все выборные органы (в советы, кооперацию), проводя «подготовительную» кампанию [18; Л.5].

Борьба духовенства за представительство в советских органах власти дала свои результаты. К лету 1922 г. 80% комячеек имели в своем составе мулл [19; Л.2,3]. Настойчивое желание исламских деятелей «войти во власть» в значительной степени осуществлялось под влиянием революционной романтики и стремления организовать национальную жизнь народа на началах, обеспечивавших поддержание и развитие национальной и культурной идентичности.

Социально-политическая активность духовенства постепенно приобретала более организованный характер. Показательным в этом плане является создание в Адыгее в 1923 г. шариатского совета. В него вошли известные исламские деятели: М. Совмиз, М. Набоков, Д. Хатакнов, И. Сабит, А. Шаов, Х. Ожев, И. Панеш, А. Карданов [20; Л.103]. Аналогичный совет существовал и в Кабарде. Его работу возглавлял Н. Катханов [6; 44].

Особый интерес с точки зрения взаимодействия власти и

северокавказского духовенства по вопросам социалистического строительства представляют четыре мусульманских съезда, проводившихся в 20-е гг. XX в. в Адыгее с участием виднейших представителей духовной элиты, лояльных к большевикам. Анализ материалов съездов позволяет сделать вывод о том, что их работа была направлена на выстраивание конструктивных отношений с новой властью и приведение норм ислама в соответствие с изменениями, произошедшими во всех областях общественной жизни горцев.

О готовности адыгского духовенства к взаимодействию с советской властью красноречиво говорят решения, утвержденные участниками мусульманских съездов. В частности, духовенство поддержало линию на укрепление советской власти на местах и искоренение агитации против нее, а также приняло решение о направлении части средств от закята на культурно-просветительские нужды и о согласовании шариата с Кодексом Законов РСФСР [13; Л.3,4]. Официально оформленная в решениях съезда позиция духовенства по данным вопросам имела исключительно важное значение в реализации задач новой власти, связанных с социалистическим переустройством горского общества.

В свою очередь, автономное руководство поддержало идею проведения мусульманских съездов в Адыгее, так как понимало, что без содействия мусульманского духовенства, пользующегося действительным авторитетом у народа, ему не удастся решить поставленные центром задачи, связанные с социалистическими преобразованиями горского общества. О заинтересованности местных властей в поддержке духовенства говорил и тот факт, что ряд эфенди и учителей на этот съезд вызывали повестками [13; Л.2].

Важное место в системе мероприятий советской власти на

Северном Кавказе занимала широкая культурно-просветительская деятельность, в центре которой находилась сфера образования. Именно в этой области отмечалось наиболее масштабное и результативное взаимодействие новой власти и духовенства.

Большевики придавали исключительно важное значение образованию как средству социализации, выполняющему ключевую роль в целенаправленном формировании ценностных ориентаций, норм, установок, стереотипов поведения граждан. Осознавая культурную и языковую отчужденность горских народов, большевики намеревались не просто создать массовую светскую школу, но и коренизировать ее, то есть организовать преподавание учебных дисциплин на родном языке учителями-националами. Адыги, в массе своей, с настороженностью относились к новым образовательным учреждениям.

Существенным образом от большевистских отличались цели мусульманского духовенства в сфере развития образования. Вместе с очевидной важностью овладения необходимой суммой знаний, для исламских деятелей важнейшее значение в контексте существования национальной школы в многонациональном и поликонфессиональном государстве имело сохранение и развитие национального самосознания и этнокультурной идентичности.

Хотя цели новой власти и мусульманского духовенства в области развития образования существенно расходились, обнаружилось единство в видении средств их осуществления. И советская власть, и духовенство в качестве ключевых задач, с решением которых связывалось становление национальной школы, рассматривали подготовку национальных педагогических кадров, организацию обучения и разработку учебников на родном языке. В направлении реализации данных задач и осуществлялось

сотрудничество исламских просветителей с новой властью.

Многие представители мусульманского духовенства принимали активное участие в становлении и развитии национальной школы и культуры в целом. Так, в должности инспектора района, а затем облоно в начале 20-х гг. работал бывший сохт Баксанской духовной семинарии А. Шогенцуков. С Нальчикским окружным отделом образования активно сотрудничали известные мусульманские просветители Н. Катханов, Х. Эльбердов [21; 42]. Председателем союза работников просвещения Кабардино-Балкарской области в 1925 г. был избран бывший мулла и председатель шариатского суда Урванского района Т. Барукаев. Непосредственно к работе в системе светского образования, в компанию по ликвидации неграмотности, широко привлекались действующие и бывшие муллы, а также сохты – учащиеся религиозных школ.

Отдельно следует отметить, что духовенством проводилась большая агитационная работа по привлечению горцев в советскую трудовую школу. В первые годы советской власти она не выдерживала конкуренции со ставшей традиционной для адыгов мусульманской школой.

Большую роль в развитии советской школы на Северном Кавказе играло признание прогрессивным духовенством важности образования и призыв, обращенный к верующим, отдавать детей в школу. В этом плане показательным является единогласное постановление Областного съезда эфендиев Адыгейской автономной области, состоявшегося в ауле Хакуринохабль в сентябре 1922 г. по вопросу о просвещении, в котором говорилось о необходимости немедленно приступить к занятию в школах, где таковые имеются, а где таковых нет, вновь открыть с обязательным обучением детей обоюбого пола в возрасте

от 7 до 18 лет. Более того, предполагалось обязать родителей, а у сирот – родственников, отдавать в школы детей, достигших учебного возраста [13; Л.3]. При этом функционирование светской школы духовенством увязывалось с необходимостью преподавания в ней арабского языка и Корана до 10-летнего возраста. В обоснование своей позиции оно отмечало, что знакомство с Кораном поможет молодым мусульманам искоренять дурные навыки преступного характера и, более того, будет мотивировать набожных родителей направлять детей в школу [13; Л.3].

В свою очередь, местные партийные и советские органы до конца 20-х гг. XX в. зачастую были вынуждены негласно разрешать преподавание Корана и арабского языка в советской общеобразовательной школе вопреки Декрету «Об отделении церкви от государства и школы от церкви».

Однако совместная работа в области развития системы светских школ в адыгских аулах на первых порах не давала желаемых результатов. Адыги, в массе своей, с настороженностью отнеслись к новым образовательным учреждениям. Подобное положение объяснялось целой совокупностью причин, и в первую очередь – неспособностью властей в течение длительного времени организовать обучение в горских школах на «материнском языке» [22; 22].

В этой связи особую актуальность для новой власти приобретала задача создания национальной письменности, к решению которой первоначально были привлечены арабисты. Уже в первые годы существования советской власти за основу просветительской работы были взяты разработанные представителями мусульманского духовенства на основе арабской графики варианты адыгского письма. В Адыгее это был алфавит, разработанный И. Бекухом. Именно на его

основе было построено обучение в национальной школе в первое десятилетие советской власти [23; 3]. В Кабарде за основу работы всех образовательных заведений, как духовных, так светских, был взят алфавит, разработанный прогрессивными арабистами Н. Цаговым и А. Дымовым. Несколько позже Т.З. Табуловым был создан кабардино-черкесский алфавит, на котором велось преподавание в школах Черкессии [24; 221]. Примечательно, что параллельно с указанными авторами работу над созданием адыгской письменности вели и другие арабисты.

Хотя и имелись очевидные издержки, связанные с формированием светской национальной системы образования, все же происходило массовое приобщение адыгов к образованию. Как справедливо заметил Х.Б. Мамсиров, население «под иногда и жестким нажимом» начало приучаться к тому, что дети, в том числе и девочки, должны ходить в школу. Это был модернизационный прыжок [8; 285].

Несмотря на результативность сотрудничество советской власти и прогрессивного духовенства во второй половине 20-х гг. начинает сворачиваться. Укрепление советских органов власти и начало форсированного строительства социализма привели к резким изменениям в конфессиональной политике большевиков на Северном Кавказе. Власти широко развернули пропагандистскую кампанию, доказывавшую несостоятельность толкования шариата как коммунистического учения, его противоречие коммунистическим и советским принципам [25; Л.75об]. Настойчиво подчеркивалось, что в антирелигиозной работе следует обратить особое внимание на

борьбу с так называемым прогрессивным духовенством Востока, которое выступает почти как «советское» и пытается приспособиться к левым настроениям масс [26; 68-69]. В итоге в конце 20-х гг. XX в. были развернуты репрессии против мусульманского духовенства, закрыты мечети и мусульманские школы.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на выраженную антирелигиозную направленность большевистской идеологии, период 1917-1920-х гг. характеризовался взаимодействием советской власти и прогрессивно настроенного крыла мусульманского духовенства в основных сферах общественной жизни горских народов Северного Кавказа. В его основе лежало обоюдное стремление сторон к сотрудничеству, обусловленное сложным сочетанием национальных, политических, религиозных и культурных факторов.

Примечательно, что инициатива в данном взаимодействии принадлежала советской власти. Ею был сделан целый ряд шагов, демонстрирующих толерантность в отношении мусульманского духовенства – широкое привлечение к работе в местных органах исполнительной и судебной власти, учебных заведениях, созыв мусульманских съездов, создание шариатских советов.

Несмотря на изначально существовавшее расхождение целей взаимодействия со стороны советской власти и мусульманского духовенства, оно объективно способствовало интеграции горских народов Северного Кавказа в советское геополитическое пространство, изменению их социокультурного облика, формированию новых культурных потребностей.

Примечания:

1. РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 353.
2. Декреты Советской власти. Т. 1. 25 октября 1917-16 марта 1918 г. М.: Госполитиздат, 1957. 627 с.

3. Абдуллаев М.А. Общественно-политическая мысль в Дагестане в начале XX в. М.: Наука, 1987. 327 с.
4. Марченко Г.В. Государственная национальная политика на Северном Кавказе (1917-1945 гг.): военно-исторический аспект: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2005. 452 с.
5. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 385. Л. 22-24.
6. Дзюев Г.К. Кровавое лето 1928-го: очерки. Нальчик: Эльбрус, 1997. 104 с.
7. ЦДНИКБР. Ф. 25. Оп. 1. Д. 45а. Л. 15.
8. Мамси́ров Х.Б. Модернизация культур народов Северного Кавказа в 20-е годы XX века. Нальчик: Эльбрус, 2004. 328 с.
9. ЦДНИ КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 80. Л. 47.
10. История Кабардино-Балкарской АССР с Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней. Т. 2. М.: Наука, 1967. 439 с.
11. Катханов К.Н. Назыр. Документальная повесть. М., 1997. 187 с.
12. Революция и горец. 1929. № 4 (6).
13. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 537.
14. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 394.
15. Адыгейская республиканская библиотека. Д. 2001.
16. Нефляшева Н.А. Традиции и власть (на материалах Адыгеи конца XIX – 20-х гг. XX в.): дис. ... канд. ист. наук. Майкоп, 1997. 183 с.
17. РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 6с. Д. 9.
18. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 214.
19. ЦДНИ КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1.
20. ГКУ РА «Нацархив». Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 4.
21. Хутиев Х.И. Становление и развитие социалистической культуры советской Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1984. 132 с.
22. Карасавва Ф. Просвещение нацмен Северо-Кавказского края к 10-й годовщине Октябрьской революции // Вопросы просвещения на Северном Кавказе. 1927. № 10-11. С. 22-25.
23. Зекох У. Из истории адыгской письменности // Гъуаз. 1990. № 7. С. 3.
24. Гочияева С.А., Темирова Р.Х. В.И. Ленин и языковое строительство в Карачаево-Черкесии // По ленинским заветам: сб. ст. Черкесск, 1977. С. 215-226.
25. ЦГА КБР. Ф. Р-155. Оп. 1. Д. 27. Л. 75 об.
26. Диманштейн С. Антирелигиозная работа на Востоке // Революция и культура. 1929. № 9-10. С. 65-69.

References:

1. RGASPI. F. 76. Op. 3. D. 353.
2. Decrees of the Soviet power. Vol. 1. October 25, 1917-16 March 1918 M.: Gospolitizdat, 1957. 627 pp.
3. Abdullaev M.A. Social and political thought in Dagestan in the early 20th century. M.: Nauka, 1987. 327 pp.
4. Marchenko G.V. State national policy in the North Caucasus (1917-1945): a military and historical aspect: Diss. for the Dr. of History degree. M., 2005. 452 pp.
5. RGASPI. F. 17. Op. 112. D. 385. L. 22-24.
6. Dzuev G.K. Bloody summer of 1928: Essays. Nalchik: Elbrus, 1997. 104 pp.
7. TsDNIKBR. F. 25. Op. 1. D. 45a. L. 15.
8. Mamsirov Kh.B. Modernization of cultures of the peoples of the North Caucasus in the 1920s. Nalchik: Elbrus, 2004. 328 pp.
9. TsDNI of the KBR. F. 1. Op. 1. D. 80. L. 47.
10. History of the Kabardino-Balkarian ASSR from the Great October Socialist Revolution to the present day. Vol. 2. M.: Nauka, 1967. 439 pp.
11. Katkhanov K.N. Nazyr. Documentary story. M., 1997. 187 pp.
12. Revolution and the Highlander. – 1929. – No. 4 (6).

13. RGASPI. F. 17. Op. 84. D. 537.
14. RGASPI. F. 17. Op. 60. D. 394.
15. The Adyghe Republican Library. D. 2001.
16. Neflyasheva N.A. Traditions and power (based on the materials of Adygheya at the end of the 19th century and the 20^{es} of the 20th century). Diss. for the Cand. of History degree. Maikop, 1997. 183 pp.
17. RGASPI. F. 85. Op. 6s. D. 9.
18. RGASPI. F.17. Op.85. D. 214.
19. TsDNI of the KBR. F. 1. Op. 1. D. 1.
20. GKU RA "National archive". F.R.-1. Op. 1 D. 4.
21. Khutiev Kh.I. Formation and development of the socialist culture of Soviet Kabardino-Balkaria. Nalchik: Elbrus, 1984. 132 pp.
22. Karasavva F. Education of the national minorities of the North-Caucasian region to the 10th anniversary of the October Revolution // Problems of Education in the North Caucasus. 1927. No. 10-11. P. 22-25.
23. Zekokh U. From the history of the Adyghe written language // Gyaz. 1990. No. 7. P. 3.
24. Gochiyaeva S.A., Temirova R.Kh. V.I. Lenin and language construction in Karachay-Cherkessia // According to Lenin's teaching: coll. of articles. Cherkessk, 1977. P. 215-226.
25. TsGA KBR. F. P-155. Op. 1. D. 27. L. 75 ob.
26. Dimanstein S. Anti-religious work in the East. Revolution and culture. 1929. No. 9-10. P. 65-69.